

НАКОНЕЦ-ТО выяснилось, что живем мы в Санкт-Петербурге. А чтобы не стыдно было именоваться петербуржцами, хочется и все реалии городские привести в достойный вид. Чтобы было чисто. Чтобы Невский проспект перестал походить на Хитров рынок. Чтобы вода в Неве и Мойке хоть немного отличалась бы от мазута и помоев. Чтобы речь на улице и в транспорте не состояла бы сплошь из ненормативной лексики...

Мои мечты простираются еще дальше, хочется и вовсе невозможного: не краснеть при упоминании о театрах — таких, например, как Академический имени А. С. Пушкина или Академический имени Ленсовета. При этом ясно, что легче очистить воды рек и Финского залива, снести дамбу, ставшую как бы символом социалистических завоеваний, чем возродить Александрино.

Похоже, что И. О. Горбачева, почти два десятилетия бесславно возглавляющего этот театр, кто-то поддерживает с тем же упорством, с каким защищают дамбу. Ну с дамбой понятно: ее, как выяснилось, строит потомок балерины Кшесинской, рассчитавшись тем самым с большевиками. А И. О. Горбачев? Кто его-то поддерживает?

Известно, что кресло художественного руководителя досталось ему от Политбюро ЦК КПСС с подачи тогда еще всемогущего А. Софронова. Затем несостоятельного режиссера и с каждым годом слабеющего актера холил и лелеял наш родной романовский обком. Отдадим должное Игорю Олеговичу: он честно отрабатывал по партийной линии свои ордена и привилегии — сделал вверенный ему театр самым идейным, скучным и занудным. Критика нашла точное определение — эстетика торжественных заседаний, партийных форумов. Так оно и было: тот же победный пафос, та же медь фанфар, тот же неизменный докладчик на авансцене, а за его спиной — безликая масса одобряющих и поддерживающих. Мы знаем, что стояло за этой эстетикой. Вранье. А мастером вранья наш вечный Хлестаков сделался отменным, выдавая унылые и пошлые спектакли за «подлинно русское искусство», а себя — за единственную опору «школы русской драмы».

Изнутри Пушкинский театр был превращен им тоже в структуру «социалистическую» — подобие сталинского лагеря. Там все подчинялось одному вождю. Там стены обзавелись ушами, там были надсмотрщики и стукачи, карцеры и лесоповал — в виде бойкотов и лишения ролей и постановок. В труппе образовалась иерархия, не имеющая отношения к одаренности. Путь на сцену лежал через кабинет худрука. Творческие личности не приживались. Им худрук предпочитал послушных середнячков из провинции, которые чувствовали себя обязанными за прописку,

квартиру и академическую зарплату. При высочайшей поддержке Е. К. Лигачева можно было ничего не опасаться. Звезда Героя Соцтруда подтверждала это. Причем награда пришла в ту самую пору, когда, казалось, звезда самого театрального аппарата уже закатилась. Потом Лигачеву стало не до театра. Кто же занял место неприменной горбачевской карьеры? Конечно, Министерство культуры РСФСР, которое должно было баловать положительного героя. Даже министр Ме-

ли. Он — наверное, единственный в стране — играет под суфлером. Так летние гастроли в Мурманске были открыты спектаклем «Фельдмаршал Кутузов», где худрук изображает умирающего великого русского полководца. К изумлению публики под кроватью Михаила Илларионовича сидела женщина в современном костюме и подсказывала ему слова... В «Живом труп», конечно, можно нарядить суфлера цыганкой — все лучше, чем учить толстовский текст.

Долгое время в подборе ак-

ВЕЛИКИЙ ТЕАТР С СУДЬБОЙ РАЙОННОГО

лентьев успел на прощание погладить двух фаворитов — И. Горбачева и В. Ефремова из Твери, устроив им дефицитный творческий обмен с Дюссельдорфом. Но немцы не оправдали валютных надежд Игоря Олеговича (вечно его травят какие-нибудь инородцы!): последний его шедевр — «Чайка» — не произвел на них должного впечатления, больше приглянулась «Власть тьмы», поставленная В. Хоркиным, а потом и вовсе пришла из Дюссельдорфа телеграмма с предложением отнестись встречу на необозримое будущее. Бедный Горбачев! Он уже запланировал поставить на экспорт «Не все коту масленица», распределив роли между родными и близкими... Сорвалось!

Казалось бы, какие теперь привилегии? Сплошная социальная справедливость. Но в театре все осталось по-прежнему. Бухгалтерия, цехи, администрация — все должно беспрекословно выполнять любую прихоть шефа, как в добрые застойные времена. У подъезда день и ночь дежурит казенная «Волга», которая обходится театру ежегодно в десятки тысяч рублей. Почему народный артист не ездит на собственной машине? Для того чтобы сесть за руль, надо отказаться от кое-каких вредных привычек...

Но самой большой привилегией И. О. Горбачева остается сцена, которая обслуживает миф о нем, как о режиссере и актере. Помнится, к 60-летию он одарил себя ролью Сирано де Бержерака. К 65-летию задумал сыграть Федю Протасова в «Живом труп» — тоже нечто глубоко личное. Но за последние годы ему не удалось выучить ни одной ро-

терос (которые наполовину черпались из собственных студентов, а в ученики к нему шли чаще всего те, кто не попал к Додину, Кацману или Петрову, или по молодости не понимал, к кому идет учиться) торжествовал тот же лагерный принцип: «Шаг влево, шаг вправо — стреляю без предупреждения». И стрелял! И травили. Иногда — до смерти, как дивную, тонкую Елизавету Акуличеву. Иногда — до психушки. Иногда — до увольнения, как актера А. Маркова, режиссера А. Сагалычика, художника М. Китаева. Живая творческая личность не требовалась. Нужны были послушные исполнители, готовые раствориться в серой массовке, слепо повторять мизансцены, жесты и интонации шефа. Чтобы не заслонять его. Чтобы подменять на утренниках и в тяжелые дни... Конечно, еще есть в труппе индивидуальности, не поддающиеся шлифовке, такие, например, как В. Смирнов, Ю. Родионов, Р. Катанский... А сколько поддавшихся, играющих провинциально, как чеховская героиня, — «грубо, безвкусно, с завываниями, с резкими жеманностями»? Большинство. На это-то безропотное большинство и опиралась муза Горбачева.

Но бунт в театре зрел давно. Когда в 1987 году мне впервые удалось в газетной статье сказать правду об И. О. Горбачеве, я — кроме нахлобучки от ЦК КПСС, — получила в поддержку более сотни писем. Эти прекрасные, горькие, взволнованные письма настоящих петербуржцев, интеллигентов, переставших к тому времени бывать в Александрино, я хранию до сих пор. И есть среди них одно особенное дорогое: «Благодарим вас за

мужество. Первый шаг всегда труден, а для нас он был невозможен. Теперь у нас появилась надежда... Пушкинцы». И вот четыре года спустя актеры, которых Горбачев пытался сделать фоном, гарниром, толпой, открыто заявили о том, что не намерены больше унижаться и терпеть. В конце мая, перед отъездом на гастроли, они провели первые выборы художественного совета (представляете, как долго пробивалась Советская власть сквозь эти толстые стены? Ранее Горбачев просто подбирал худсовет из удобных ему людей и сам назначал его приказом). Тайное голосование выявило, что рейтинг Игоря Олеговича стремительно падает: еще недавно «против» отважились бы проголосовать человек десять, сейчас он набрал всего 35 голосов из почти ста. И не вошел в состав худсовета.

Окрыленные первым успехом пушкинцы обратились в Министерство культуры России с просьбой не заключать контракт с их бывшим лидером. По новому положению такие контракты будут заключаться с учетом мнения труппы. В театр приехал министр Ю. М. Соломин. Часа три выслушивал он исповедь актеров, изумлялся, сердился, сочувствовал. А в заключение сказал: «Вы не просите, а требовать должны. А что я могу сделать?..»

Оказывается, наша демократия — самая демократичная на свете: все могут требовать, а решать — некому. Министр не может отправить на пенсию развалившегося театр функционера. От кого же требовать? Неужто к Ельцину обращаться?.. А может, мы в своем театральном кругу разберемся? Хотя глава российского Союза театральных деятелей М. А. Ульянов реагировал на просьбы пушкинцев аналогично, с теми же охами и вздохами: «Я не решаю».

А решать надо. И немедленно. Если отложить решение хотя бы на полгода, возможность спасти театр отодвинется в далекое и уже не столь реальное будущее: планы и у театра, и у режиссеров, которых хорошо бы пригласить в Пушкинский, будут сверстаны на два года вперед — и тогда пиши пропало. Тем паче, что сам Горбачев, хотя никто его вроде не поддерживает — ни коллектив, ни Политбюро и ЦК, ни СТД, лишь затухающая инерция, — держится молодцом. Продолжает суетиться, ведет отдельные переговоры в министерстве, планирует постановки. Не опасаясь даже двусмысленности своих «творческих планов», не чувствуя, сколь фальшиво в приложении к нему звучит: «Не все коту масленица» и «Живой труп». А мог бы срежиссировать красивый финал.

Елена АЛЕКСЕЕВА.
ЛЕНИНГРАД